

Исторические науки

УДК 82.085

ЛИКВИДАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ СССР (ОТ ПРИЗНАНИЯ ДЕ-ФАКТО К ПРИЗНАНИЮ ДЕ-ЮРЕ)

Л. П. Белковец, Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета (Томск, Россия), e-mail: belkovec@ngs.ru.

Аннотация. В статье рассматривается процесс признания СССР буржуазией стран, которые оказывали яростное противодействие становлению советской власти в России посредством вооружённой интервенции, экономического и дипломатического давления. СССР помогли выстоять в этой борьбе стойкость советской дипломатии и объективные условия, вынуждавшие страны к развитию экономического взаимодействия. В статье показана эволюция норм посольского права в международных договорах Советской России (СССР) от фактического признания к признанию юридическому.

Ключевые слова: СССР, буржуазные страны, интервенция, экономическое давление, дипломатическое давление, международные договоры, эволюция норм, фактическое признание, юридическое признание.

LIQUIDATION OF DIPLOMATIC ISOLATION OF SOVIET UNION (FROM DE FACTO RECOGNITION TO DE JURE RECOGNITION)

Abstract. The article discusses the process of recognition of the USSR by bourgeoisie of countries, which provided fierce opposition to the establishment of Soviet power in Russia through armed intervention, economic and diplomatic pressure. USSR was helped to survive in this fight with the resistance of Soviet diplomacy and the objective conditions forcing other countries to the development of economic cooperation. The article shows the evolution of the rules of the embassy law in international contracts of Soviet Russia (USSR) from the de facto recognition to the legal one.

Keywords: USSR, bourgeois countries, intervention, economic pressure, diplomatic pressure, international commitments, evolution of norms, factual recognition, legal recognition.

Отчаянные попытки западных стран договориться с Советской Россией на международных конференциях в Генуе и Гааге о выплате долгов царского и временного правительств как главного условия восстановления с ней нормальных экономических и дипломатических отношений, не принесли положительного результата. Кредиторы не желали поступаться принципами и отказываться или хотя бы смягчать предъявляемые России требования. Кроме долгов предшествующих правительств, надо было возвращать имущество и возмещать убытки бывшим собственникам, выплачивать компенсации иностранцам за убытки, «причинённые им или вследствие революционных событий, или установления в России, в осуществление ею своих суверенных прав, нового законодательства»⁷.

Но и Россия, одержавшая убедительную победу в войне с контрреволюцией и иностранными интервентами и приступившая к «социалистическому» строительству вместе с другими республиками – окраинами бывшей Российской империи, объединившимися в Союз Советских Социалистических Республик, тоже не желала поступаться своими прин-

⁷ Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчёт Народного Комиссариата по иностранным делам. М., 1923. С. 22.

ципами. Признание требований означало бы полное восстановление в правах отменённой революцией частной собственности на средства производства и ликвидацию других её «завоеваний».

Однако объективные законы международного развития в 1920-е годы оказались сильнее желаний антисоветских элит изолировать и уничтожить СССР. Его признание приобретало для государств Европы характер всё более и более неотложной необходимости. Используя при заключении договоров с ним в качестве платы за «признание» разного рода уловки (односторонние уступки, многочисленные оговорки), западные партнёры пошли на нормализацию отношений с советским правительством⁸.

Ещё до Генуи к Англии, первой из держав подписавшей 16 марта 1921 г. торговое соглашение с Советской Россией, присоединилась разорённая войной и лишённая природных богатств Италия, заинтересованная в получении из России нефти, угля, руды, пшеницы и других продуктов. Итальянское правительство уже в 1920 г. завязало деловые связи с советскими кооператорами. 26 декабря 1921 г. в Риме был подписан и торговый договор, из-за давления Франции ратифицированный только после Генуи, 29 мая 1922 г.⁹ Ряд временных торговых соглашений был заключён с другими европейскими странами, Норвегией, Австрией, Швецией, Чехословакией. Но из 14 государств, торговавших с Советской Россией с 1921 г., почти половина не имела с ней дипломатических отношений¹⁰. В других международных соглашениях, заключённых советскими республиками в 1921–1923 гг., в том или ином виде все же устанавливались дипломатические отношения как свидетельства признания нового российского государства де-факто.

Что означало для России это фактическое признание? Во-первых, обе договаривающиеся стороны, стремившиеся к восстановлению торгово-политических отношений, взаимно обменивались торговыми представительствами (делегациями). Официальные политические функции, которыми они наделялись, как правило, прикрывались ещё торговыми задачами, особенно вначале (Англия). Представители, как это было принято в Европе при установлении фактических отношений, получали разные дипломатические титулы. Чаще всего это были «дипломатические» или «политические агенты», представитель Англии в Египте именовался резидентом. Англия и Франция в послевоенный период назначали в государства Прибалтики и в страны, появившиеся после раздела Австро-Венгрии, комиссаров или верховных комиссаров. Была попытка Англии назначить такого комиссара и в Россию после фактического признания летом 1919 г. правительства Колчака. Те же титулы применялись в доминионах британской короны и в тех странах, с которыми Англия ещё не установила регулярных дипломатических отношений¹¹.

Главы первых советских представительств – «делегаций» также получали разные титулы: «официальный агент» в Англии и Италии, «представитель» в Германии и Австрии, «официальный представитель» в Норвегии и Дании. За этими лицами во всех договорах, кроме англо-итальянской схемы, оговорено аккредитование при ведомстве иностранных дел. Договоры с Англией и Италией употребляли глухую формулу – «доступ к властям

⁸ История дипломатии. В 3-х томах. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939) Под ред. акад. В. П. Потёмкина. М.-Л., 1945. Гл. 11. (Далее Потёмкин)

⁹ История дипломатии. В 3-х томах. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. Под ред. А. А. Громько и др. М., 1965. С. 236. (Далее ИД)

¹⁰ ИД. С. 237.

¹¹ Сабанин А. В. Посольское и консульское право. М., 1930. С. 87. (Далее Сабанин)

страны пребывания». Некоторые из договоров (Норвегия) формально фиксировали признание главе представительства представительного характера в деловом, а не церемониальном смысле, хотя и наличие такого само по себе явствует из всех соглашений. Договор с Англией и Италией подчёркивал возможность отказа в приёме агента, признанного *persona non grata*. Почти во всех актах имелось условие о максимально допустимом численном составе представительства, а в некоторых подчёркнуто обязательство ввода в состав тех сотрудников, которые пользуются привилегиями, лишь граждан назначающей страны.

Что касается дипломатических привилегий, то они, чаще всего, признавались за персоналом путём более или менее пёстрого перечня: тут можно найти и личную неприкосновенность, налоги, освобождение от личных повинностей, право выписки газет. В германо-австрийской группе оговорены некоторые привилегии и за персоналом, не приравненным к дипломатам. Очень часто говорится об обязательстве помощи в получении квартир. Наконец, во всех договорах много места уделялось праву беспрепятственных сношений со своим правительством, причём существовала целая гамма вариантов о весе дипломатической почты. Договоры со скандинавскими странами, как наиболее близкие к юридическому признанию, содержали, как считал А. В. Сабанин, «эмбрион почётных привилегий в виде права пользования флагом и другими официальными эмблемами»¹².

Обязанности представительств в договорах также очерчены не очень равномерно. Кое-где говорилось об обязательстве невмешательства персонала во внутренние дела страны пребывания. Описание деловой стороны колебалось от почти полной консульской работы (Германия, Австрия), до скупого признания права визировать паспорта (Англия). Стороны обязывались «воздерживаться» от враждебных по отношению к другой стороне акций и инициатив, а также «от прямой или косвенной пропаганды вне своих границ против учреждений» этой другой стороны. Правительство Великобритании обязывалось не предпринимать никаких действий для завладения золотом, имуществом и товарами, принадлежащими советскому правительству; со своей стороны правительство Советской России в особой декларации, приложенной к договору, выражало готовность уплатить в будущем соответствующие возмещения тем частным лицам, которые поставили товары или оказали другие услуги России. Впрочем, при этом имелось в виду, что разрешение этих вопросов последует по заключении общего мирного договора¹³.

Дело «Лютера с Загором». Торговое соглашение от 16 марта 1921 г. означало, что британское правительство де-факто признало Советскую Россию. Об этом 23 марта 1921 г. его глава, Ллойд Джордж, официально объявил в Палате общин, хотя между обеими странами и оставались открытыми спорные вопросы. Вскоре деловые отношения подтвердили наличие такого признания, о чём свидетельствовал инцидент с делом «Лютера с Загором». Это спорное дело возникло в связи с необходимостью признания Западом национализации советским правительством русских банков, во весь рост вставшей перед западными бизнесменами и западными судами. Ещё в конце 1920 г. глава советской торговой делегации в Лондоне Л. Б. Красин продал лес некоему Джемсу Сагору и Ко. Английское лесопромышленное предприятие — общество «Лютер» — оспорило эту сделку, заявив, что проданный лес раньше принадлежал ему и был конфискован советским правительством. Компания

¹² Сабанин. С. 43–44.

¹³ ИД. С. 230.

«Сагор», не отрицая факта прежней принадлежности леса «Лютеру», со своей стороны заявляла, что советское правительство конфисковало лес на основании своего декрета от 20 июня 1918 г. В декабре 1920 г. судья вынес решение по делу Сагора: «Так как британское правительство не признало советского правительства, то декреты последнего не имеют силы перед лицом английского закона», и торговая сделка о лесе была признана недействительной. Но компания «Сагор» перенесла дело в апелляционный суд, который 12 мая 1921 г. отменил первое решение, ссылаясь при этом на разъяснение Министерства иностранных дел, что **Англия признала советское правительство фактическим правительством России** (выделено автором – Л. Б.)¹⁴.

Британский суд на защите истины? Это решение от 12 мая 1921 г. с чрезвычайно яркой мотивировкой, признававшей советские законы, стало, по сути дела, «руководящим» при рассмотрении «советских дел» в европейских судах, хотя Палата лордов, руководствуясь мотивами другого рода, и отменила его. Правда, не все члены Палаты, демонстрируя свою замечательную компетентность, согласились с отменой этого «справедливого», как они считали, решения. Так, лорд судья Бенке полагал, что даже если бы суды его страны и вправе были рассматривать декрет 20 июня 1918 г. о национализации с точки зрения нравственности и справедливости, то и тогда они не могли отнестись к этому декрету иначе, как к проявлению фактическим правительством цивилизованной страны такой политики, какую это правительство считает отвечающим высшим интересам этой страны»¹⁵. Одним словом, если государство объявляет некую вещь своей собственностью, то английский суд не вправе входить в рассмотрение вопроса об основаниях приобретения последним этого права.

Ещё резче и определённое выразился другой лорд-судья Скретон: «Объявить законодательство государства, признанного как государство суверенное, независимое, противоречащим принципам нравственности и справедливости, – это означало бы серьёзно нарушить международную вежливость по отношению к этому государству. Если бы это государство обнаружило себя на практике таковым, то подобное его поведение могло бы стать *casus belli*, (повод к войне – лат.) и должно, конечно, быть делом государя, а не делом судей по отношению к государству, которое признал король». «Английские граждане не считают, что советское законодательство о национализации противно нравственности. В настоящее время они отдают государству, пожалуй, больше половины своего дохода в виде подоходного налога и сверхналога, а также и значительную часть своего имущества, капитала, в форме налога на наследство, над которым как Дамоклов меч висит налог на капитал. И эти английские граждане не могут объявить безнравственным иностранное государство за то, что оно считает (пусть это нам кажется не верным) предоставление индивидуальных имуществ государству как представителю всех граждан, наилучшей формой права собственности»¹⁶.

Возможно, эта своего рода мечта о собственной национализации, проявленная судьями и свидетельствующая о «вредном» влиянии советского законодательства, и заставила Палату лордов просто, без мотивировки, отменить решение второй инстанции. «Такова палата лордов, – иронизировал советский правовед, – которая не может сделать из мужчины

¹⁴ Потёмкин. Т. 3. Гл. 4.

¹⁵ Гойхбарг А. Национализация банков перед иностранными судами // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 24. С. 859–861.

¹⁶ Гойхбарг А. Ук соч. С. 860. .

женщину (теперь-то уже и это может – Л. Б.), но которая может объявить белое чёрным и истину ложью». Это решение палаты лордов вызвало целую кампанию в среде других компетентных юристов, в том числе американских, группировавшихся вокруг крупного банковского *Harvard law review*. Являясь активными противниками советского законодательства в целом, они должны были признать по отношению к национализации банков, что «если советское правительство объявило себя ликвидатором банков, оно стало их преемником и его права должны быть признаваемы судами»¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что признание советского правительства де-факто открывало дорогу применению советского законодательства в иностранной судебной практике.

Договор от 6 мая 1921 г. Более детально развитие торговых отношений между двумя странами было проработано в советско-германском договоре от 6 мая 1921 г.¹⁸. В нём было определено правовое положение государственных служащих в Москве и Берлине, получивших статус дипломатических представительств. Причём советское представительство было признано германским правительством единственным законным представительством России в Германии, что в целом означало его признание де-факто.

Специальным Соглашением были урегулированы вопросы, связанные с возвращением на родину военнопленных и гражданских интернированных лиц¹⁹. Круг деятельности существовавших уже делегаций обоих государств «для попечения о военнопленных» был расширен, и им поручалась теперь «защита интересов граждан их стран». К делегациям присоединялись торговые представительства «для развития экономических сношений между обеими странами». До полного восстановления «нормальных сношений» делегации стали именоваться «Представительством РСФСР» и «Германским представительством в России». Уже тогда представительствам были даны полномочия и некоторые льготы, которыми пользуются иностранные миссии в стране своего пребывания. Ст. II договора предоставляла «преимущества и льготы глав аккредитованных миссий» руководителям представительств, а «преимущества и льготы членов аккредитованных миссий» семи членам представительств, «поскольку они не являются подданными государства, где пребывает данное представительство».

Относительно других лиц, занятых в представительствах и не являющихся подданными страны пребывания, оба правительства обязывались «принять необходимые административные меры» для ограждения их от произвола местных властей. Производство обысков у таких лиц могло осуществляться только с уведомлением о том центрального ведомства иностранных дел той страны, в которой пребывает представительство, и в присутствии уполномоченных, как самого ведомства, так и данного представительства. Центральное ведомство иностранных дел «немедленно» извещалось также о задержании и аресте таковых лиц, информировало о том руководителя представительства не позже, чем за 24 часа после задержания или ареста. Эти лица, вместе с членами их семейств, осво-

¹⁷ Гойхбарг А. Там же.

¹⁸ Временное соглашение между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией, заключённое в Берлине 6 мая 1921 г. // Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора (далее СГО). Т. 2. 1919–1922. М., 1968. С. 318–323.

¹⁹ См.: Дополнительное соглашение к заключённому 19 апреля 1920 г. Соглашению между РСФСР и Германской империей о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных обеих сторон. 6 мая 1921 г. // СГО. Т. 2. С. 323–326.

бождались от «общественно-трудовых повинностей всякого рода, равно как от воинских и военных тягот».

Соглашением от 6 мая 1921 г. Германскому представительству был разрешён беспшлинный и безналоговый ввоз материалов, необходимых для ведения дел и содержания своих помещений, а также «необходимые для немецкого персонала жизненные припасы и предметы потребления в количестве до 40 кило на каждого человека в месяц» (ст. IV). Руководители представительств, будучи аккредитованы при центральном ведомстве иностранных дел страны пребывания, получали право сношения с ним, а по торговым делам – «и с другими центральными ведомствами непосредственно» (ст. V).

Представительства получили право пользоваться радиостанциями и публичными почтовыми учреждениями для беспрепятственных официальных сношений со своим правительством и представительствами своего правительства в других странах, открыто или с применением шифра, а также посылать курьеров «на основании особого соглашения» (ст. VII). Особыми соглашениями следовало «немедленно» принять все меры к скорому возобновлению нормальных почтовых, телеграфных и радиотелеграфных сношений (ст. XI). Но представительства брали на себя и обязательство «в своей деятельности строго ограничиваться задачами, поставленными им в настоящем соглашении» и «в особенности воздерживаться от всякой агитации и пропаганды против правительства или государственных учреждений страны, в которой они находятся» (ст. XV).

Соглашение от 6 мая 1921 г. заметно укрепило немецкие шансы в соперничестве западных стран за обладание русским рынком и привело к заметному оживлению торговых связей между двумя странами, для развития которых была создана правовая база. Руководитель Представительства, как и руководитель Торгового представительства, являющегося государственным торговым учреждением и законным представителем своего правительства «для правовых деяний на германской территории», могли совершать любые «правовые акты», которые это правительство признавало для себя «обязательными» (ст. XII), подчиняясь при этом германским законам, германскому судопроизводству и германскому порядку принудительного приведения судебных приговоров в исполнение. Всё это не касалось лишь имущества российского правительства в Германии, которое пользовалось общей защитой согласно международному праву.

На российской территории правительство обязывалось совершать с германскими гражданами, германскими фирмами и германскими юридическими лицами правовые сделки только с оговоркой о применении третейского разбирательства, которое могло также применяться и в отношении заключённых в Германии правовых сделок (ст. XIII). И в целом Соглашение 1921 г. признавалось обеими сторонами, впредь до заключения будущего торгового договора, «основой хозяйственных отношений обеих сторон», должно было «толковаться в духе взаимного благожелательства, направленного к укреплению экономических отношений» (ст. XVI). Поскольку такой договор появится только в 1925 г., а Рапалльский договор 1922 г. не будет содержать правовых основ экономического взаимодействия, положения Соглашения 1921 г. оставались действующими более четырёх лет. Однако нужно иметь в виду, что это «временное соглашение», принятое «до полного восстановления нормальных сношений» между странами, исходя из этой формулировки, всё же вовсе не означало окончательного признания Германией Советской России.

Что менялось в договорах при переходе стран от отношений *de facto* к дипломатическим отношениям, отношениям *de jure*, показывает соглашение с Италией. Уже первое со-

глашение между итальянским и советским правительствами от 26 декабря 1921 г. имело, более чем другие, атрибутов, свидетельствующих о признании сторонами общеизвестных норм международного права. Оно вполне устраивало обе стороны, начавшие развивать торговые отношения. Инициатива повышения их уровня исходила от Италии. 30 ноября 1923 г. глава итальянского правительства Бенито Муссолини, выступая в парламенте, заявил о невозможности более игнорировать роль и значение возрождающейся России. «Для итальянского хозяйства, для блага итальянского народа выгодно признать Русскую республику де-юре», – заявил он. «Я как глава итальянского правительства даю доказательство моей доброй воли и признаю Советы. Этим я вновь ввожу Россию в круг западноевропейской общественной, политической и дипломатической жизни»²⁰. Надо думать, что заявление диктатора было продиктовано не только интересами итальянской внешней политики и торговли, но и стремлением использовать симпатии народных масс к Советскому Союзу для укрепления его позиций внутри Италии.

Но в дело вновь вмешалась французская дипломатия, стремившаяся сорвать итало-советские переговоры. Под её влиянием итальянское правительство стало предъявлять всё новые и новые требования льгот и преимуществ. Но советская дипломатия выдержала натиск. Спустя два месяца, 8 февраля 1924 г. прибывший в Москву итальянский представитель сообщил о признании советского правительства Италией де-юре. В доставленной им в Народный комиссариат по иностранным делам ноте Муссолини сообщал о подписании договора о восстановлении дипломатических отношений, торговле и мореплавании. «Господин народный комиссар! — писал Муссолини Г.В. Чичерину, – Вы знаете, что со дня, когда я возглавил правительство, моим желанием было осуществить возобновление политических сношений между двумя странами, считая таковые полезными для их собственных интересов, а также в общих интересах всей Европы. Поэтому я удовлетворён, что сегодня итало-русский торговый Договор подписан... и «политические отношения между двумя странами являются окончательно и прочно установленными»²¹.

Советское правительство высоко оценивало результаты советско-итальянских переговоров именно потому, что, как считали в Народном комиссариате по иностранным делам, «от Италии мы получили полное безоговорочное признание. Вначале предполагалось говорить о признании лишь во вступлении к торговому договору, в каком случае признание было бы обусловлено подписанием договора. Мы, однако, использовали затруднительное положение, в которое Муссолини попал в результате признания со стороны Англии, и мы заставили его послать отдельную ноту, в которой признание даётся независимо от подписания договора»²². Цена нотифицированного признания, как видим, была выше простого торгового договора. К тому же Италия прислала в Москву своего представителя в ранге посла.

«Полное» признание СССР Италией выражалось теперь в других нормах и терминах. Главное, что исчезла необходимость фиксировать в договоре режим официального представительства. Так, первая статья договора гласила: «Власть каждого из договаривающихся государств признаётся единственно законной и суверенной властью соответствующей страны со всеми вытекающими из сего последствиями для другой страны, **согласно международному праву и международным обычаям**» (выделено автором – Л. Б.). Всё ос-

²⁰ Потёмкин. Т. 3, Гл. 11. С. 297.

²¹ ИД. С. 393.

²² Там же.

тальное в договоре являлось выводом из этой основной посылки. Признавалась монополия внешней торговли в СССР, возможность советского Торгового представительства «выполнять на территории Италии функции, возлагаемые на это представительство правительством Союза», т. е. и пользование дипломатическими привилегиями. Уроженцы обеих сторон получали свободный доступ в суды всех инстанций и всех юрисдикций и т. п.

Особое значение имели ранние договоры республики со странами Востока, которые определённым образом выпадают из цепи упомянутых договоров западных стран о признании Советской России де-факто. Они подтверждают приверженность новой России к соблюдению коренных принципов своей внешней политики – полный отказ от неравноправных соглашений. На основе подобных принципов были заключены договоры с Ираном, Афганистаном, Турцией, Монголией, Китаем. В них объявлялись отменёнными и потерявшими всяческую силу все неравноправные трактаты, договоры, концессии и соглашения, заключённые бывшим царским правительством с этими странами, аннулировались числившиеся за ними долги. Была оказана дружеская экономическая помощь отсталым и слаборазвитым странам (безвозмездно и в полную собственность народа передавались сооружённые русскими шоссейные и железные дороги, телеграфные и телефонные станции, электростанции, порты, товарные склады, пароходы и пр.) Такими были, к примеру, договор от 26 февраля 1921 г. с Персией (с 1935 г. – Иран) и договор от 28 февраля 1921 г. с Афганистаном. Россия отменила в отношениях со странами Востока режим капитуляций. Поэтому договоры исходили исключительно из целей развития сотрудничества и добрососедства, и присвоение иностранным консулам всех прав и преимуществ, определяемых нормами международного права, происходило у нас исключительно на началах взаимности.

Инструкция, данная советским дипломатическим представителям в Афганистане, может служить ярким показателем приверженности России этим принципам. Им следовало помнить о том, что страна, которую они представляют, является для них «естественным другом». Политика России не агрессивна, это политика мира и дружбы, она нацелена на взаимное содействие «развитию и процветанию дружественного афганского государства и оказание ему всяческого содействия, какое в наших силах... Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда»²³. Оценивая успехи советской политики в Персии и первый равноправный договор, подписанный Ираном с великой державой, английский журнал «Nation» писал: «Россия пожинает теперь в Персии плоды своей политики самопожертвования: она отказалась от всего — от концессий, дорог, телеграфов, банков, не прося ни пенсы вознаграждения за убытки... В результате мы имеем безусловный рост русского влияния, которое опирается на добрую волю самого персидского населения».

В договорах советского правительства с Ираном и Афганистаном провозглашалось взаимное пользование представителями правом экстерриториальности и другими прерогативами (поднятия государственного флага, неприкосновенность личности и дипломатической переписки, переговоры по телефону, радио и телеграфу). В советско-персидском договоре прямо указывалось на действие международного права и обычаев, а также норм, действующих в обеих странах в отношении дипломатических представителей. А. В. Сабан

²³ Ленин и Восток. Сб. статей. С. 246–247. М., 1924.

нин считал такую редакцию «очень примечательной по своей грамотности и полноте»²⁴. Формула о наличии за дипломатами при условии полной взаимности привилегий и прерогатив, установленных общим международным правом, была затем использована в договорах, заключённых Персией с европейскими странами летом 1928 г. при отмене капитуляций. Россия положила ей начало. Такая отсылка к международному праву понималась как полное во всех отношениях уравнение в правах европейского и азиатского контрагентов, т. е. «как принцип передовой». Эти договоры, оформляя дипломатические привилегии сторон, являлись существенным источником посольского права в случаях, когда две страны не были связаны нормальными юридическими отношениями. Но теперь они предоставляли друг другу так называемое фактическое признание, и это было начало процесса перехода буржуазных стран по отношению к советским республикам от состояния интервенции к признанию (через фактическое признание) юридическому.

Пускаем в обращение советский червонец. Определённую роль в подъёме авторитета Советской России сыграла проведённая в 1922–1924 гг. знаменитая денежная реформа, позволившая стране покончить с финансовой разрухой, справиться с бюджетным дефицитом и квадриллионами ничего не стоивших дензнаков, остановить бешеную пляску цен. Перед твёрдым советским червонцем, «золотой банкнотой», «феноменом организованного хозяйства» с великим почтением склонили голову финансовые заправила капиталистического мира.

Червонцы приравнялись к царской золотой десятирублёвой монете, причём на 25 % своей суммы обеспечивались золотом, другими драгоценными металлами и иностранной валютой по курсу на золото, а на 75 % – легко реализуемыми товарами и краткосрочными обязательствами. Исследователь истории советской финансовой реформы, главным исполнителем которой был финансовый гений – «большевистский» нарком Г. Я. Сокольников, на этот счёт пишет: «Встреченный издевательствами и злобной бранью мировой буржуазной и белогвардейской прессы, ехидными насмешками советских хозяйственников, червонец, ворвавшись в хаос непрерывно обесценивавшейся совзначной валюты, не только занял доминирующее положение в государственной денежной системе, но уже через полтора года полностью вытеснил бумажный совзнак. На нашем внутреннем рынке перед червонцем капитулировали американский доллар и английский фунт стерлингов. Его поразительная устойчивость вызывала изумление повсюду в мире, а успех денежной реформы в СССР ставился в пример другим странам»²⁵.

«При падении франка, при катастрофе марки, при общем нарушении всех валют, у нас в Союзе ССР введены в обращение на 300 миллионов рублей твёрдой валюты. А те банкиры, те правительства, которые нас не признают де-юре, очень хорошо признают бумажку, на которой написано: «сие считать за 10 рублей и подписано: Сокольников». «Великан пробуждается, – писала американская пресса. Русская валюта – одна из немногих, которая котируется несколько выше курса доллара. Ничто более не сможет задержать окончательного восстановления СССР». На валютных биржах Европы червонец котировался выше всех других валют.

Борьба за рынки сырья. 1925 год стал временем интенсивных переговоров капиталистических держав об урегулировании финансовых вопросов между участниками мировой

²⁴ Сабанин. С. 42–43.

²⁵ Генис В. Л. Григорий Яковлевич Сокольников // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 59–86.

войны. Война оставила после себя миллиарды государственных долгов, безвозвратно истраченных на истребление миллионов населения нашей планеты. Некоторые части её поверхности были превращены в своего рода пустыню. Теперь, по прошествии шести лет после Версальского мира, державы, оправившись от военного угара, вплотную приступили не только к общему расчёту, но и к производству новых ценностей взамен уничтоженных. Для этого следовало привлечь к эксплуатации неиспользованные ещё полностью ресурсы тех стран земного шара, которые имели сырьё, продукты и подпочвенные богатства, но не имели достаточно мощных для самозащиты от хищнических воцелений империалистических держав местных государственных и военных организаций. Это было новое поле деятельности для американской и европейской промышленности. На первый план выплыли широкие планы всемирного сведения счётов по системе банковских балансов, проводимые всемирным кредитором – Северо-Американскими Соединёнными Штатами, – писал советский журнал²⁶. Французские маршалы и английские адмиралы понемногу, с явной неохотой, уступили первое место американским банкирам. Мировая конъюнктура разрабатывалась теперь не в главных штабах Фоша или его английских и американских коллег, а в кабинетах Morgana и его присных». Эти обстоятельства вызвали почти неуправляемый процесс признания азиатскими, и европейскими странами Советской России.

Этот процесс вошёл в историю под названием **«парада признаний»**, данного ему классиками советской дипломатии, которые показали и его шествие по континентам²⁷. В это время дипломатические отношения с СССР, кроме стран, заключивших торговые договоры в начале 1920-х гг. и подтвердивших признание де-юре, установили более двух десятков стран мира. Среди них были Китай, Франция, Австрия, Греция, Швеция, Дания, Мексика, Норвегия, Япония... В этом списке отсутствовали США, активно, между тем, торговавшие с СССР. Но и без США Советский Союз всё более и более становился «решающим фактором мировой политики». Огромную роль в этом играла советская дипломатия, которая с честью защитила интересы российского государства, добившись не только ликвидации его дипломатической изоляции, но и серьёзного роста его международного влияния.

«Парад признаний» советского правительства «фактически и юридически единственно законной и суверенной властью» в СССР начался весной 1924 г. 13 февраля ноту о признании вручило представителю СССР в Норвегии норвежское правительство. 25 февраля австрийское правительство известило Народный комиссариат по иностранным делам о своём решении немедленно возобновить с Советским Союзом нормальные отношения. Было предложено заменить австрийское представительство в Москве дипломатической миссией. 8 марта последовало признание СССР Грецией, 15 марта – Швецией, 18 июня – Данией, 6 июля – Албанией.

В конце июля 1924 г. мексиканский представитель в Берлине сообщил советскому послу о решении правительства Мексики признать СССР де-юре и без всяких условий обмениваться посланниками. «Наша страна не занимается вопросами о происхождении правительств, – писал в своей ноте представитель Мексики, – ибо мы признаём в самых широких размерах за каждой страной право иметь правительство, наиболее для неё подходящее. Таким образом, мы не видим никаких препятствий к возобновлению в желаемый момент

²⁶ См. рец. на кн. Thomas Millard. Conflict of policies in Asia. London. George Allen and Unwin. 1924 // Международная жизнь. 1925. № 3. С. 115.

²⁷ Потёмкин. Т. 3. Гл. 11.

официальных сношений с Россией, и в этих видах в ближайший срок обе страны аккредитуют своих представителей». Предложение правительства Мексики было принято, и 1 августа 1924 г. дипломатические отношения между СССР и Мексикой были установлены²⁸. 6 августа установились официальные отношения СССР с первым арабским государством Хиджазом (Геджасом), которое позднее, в 1926 г., объединилось с султанатом Неджда и образовало государство, получившее в 1932 г. название Саудовской Аравии. Это государство Советский Союз признал первым.

Крупным успехом советской дипломатии считается подписанное 31 мая 1924 г. «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Советским Союзом и Китайской республикой», положившее начало официальным дипломатическим отношениям между СССР и Китаем. Правительство Советского Союза, верное принципам своей политики, как это было уже с Персией, не только объявило уничтоженными и не имеющими силы все договоры и соглашения, заключённые между царским правительством и другими державами и в какой-либо степени затрагивающие суверенные права или интересы Китая, но и отказывалось от специальных прав и привилегий, приобретённых царским правительством в Китае, в силу прежних неравноправных договоров, конвенций, соглашений и т. д.

Признание СССР Францией. Очень сложно устанавливались отношения СССР с Францией, отягощённые проблемой довоенных российских долгов и требованиями выплачивать компенсации держателям русских ценностей и бывшим владельцам национализированных предприятий. Французское правительство во главе с Пуанкаре было не прочь вести переговоры о возобновлении дипломатических отношений с советским правительством, проявляя интерес к созданию с помощью иностранного капитала обещанных концессионных предприятий, прибыль с которых шла бы на возмещение убытков, понесённых иностранцами от национализации. Но при этом Пуанкаре оказывал прямое содействие бывшим русским собственникам и кредиторам, пытавшимся во французских судах вернуть свои права. Так, на процессе братьев Бунатьян против общества «Опторг», зафрахтовавшего груз шёлка, который они объявляли своей собственностью, было оглашено письмо Пуанкаре о том, что французское правительство поддерживает претензии бывших русских собственников. Приговор от 3 декабря 1923 г., вынесенный в пользу братьев Бунатьян, содержал указание, что официальные акты советского правительства не будут действительны для французского суда, пока СССР не будет признан Францией.

К тому же Пуанкаре успешно интриговал против советского правительства в Румынии, поддерживая её притязания на захваченную ею российскую территорию – Бессарабию. Стремясь превратить бессарабский вопрос в *casus belli* между СССР и Румынией, Франция серьёзно осложняла его международное положение. Летом 1923 г. правительство Пуанкаре задержало в Бизерте Черноморский флот, уведённый Врангелем из России, с целью продать несколько русских судов Румынии. В ответ на советский протест по этому поводу Пуанкаре выдвинул в ноте от 20 июня 1923 г. своеобразный дипломатический аргумент: советское правительство не имеет права требовать обратно русские корабли, так как оно не признано; не признано же оно потому, что не платит долгов. Но, если бы даже оно и было признано, Франция всё равно имела бы право задержать русские суда в качестве залога за неуплаченные русские долги.

²⁸ Потёмкин. Т. 3. С. 299-301.

11 марта 1924 г. была проведена ратификация французским Парламентом Парижского соглашения 1920 г. о Бессарабии. Этим актом правительство Пуанкаре спешило подкрепить позиции Румынии на предстоявшей в конце марта 1924 г. советско-румынской конференции по вопросу о Бессарабии. На конференции в Вене Румыния отклонила предложение советской делегации о плебисците в Бессарабии. 2 апреля 1924 г. она прервала переговоры с Советским Союзом. В заключительной декларации советские делегаты заявили, что СССР продолжает считать Бессарабию частью своей территории. Советское правительство не может признать, чтобы «насильственный захват Бессарабии в 1918 г. войсками румынского короля создал какие бы то ни было права на Бессарабию для румынской короны». Советское правительство предупреждало, что будет рассматривать всякую материальную и моральную поддержку Румынии в бессарабском вопросе со стороны какой-либо державы как враждебный акт по отношению к СССР. «Впредь до плебисцита мы будем считать Бессарабию неотъемлемой частью Украины и Советского Союза...», — так формулировал позицию советского правительства в бессарабском вопросе М. М. Литвинов в беседе с корреспондентом «Правды»²⁹.

Антисоветская демонстрация Пуанкаре в бессарабском вопросе явилась одним из последних проявлений его ненависти к СССР. Пришедшее ему на смену правительство «левого блока» во главе с Эдуардом Эррио, посетившим в 1922–23 гг. Нижегородскую ярмарку и горячо выступавшим за признание СССР, сдвинуло вопрос признания с мёртвой точки. Помогли и мнения французской общественности, которая всё решительнее высказывалась в пользу скорейшего урегулирования взаимоотношений между Францией и СССР. Сыграли свою роль поездки виднейших политических и общественных деятелей Франции, кроме Эррио, Даладье, сенатора де Монзи и др., в Советский Союз, возвращаясь из которого они стали требовать немедленного признания Советской России и равноправного участия советского правительства в европейских делах.

Это очень похоже на поездку французских парламентариев в российский Крым в июле 2015 г., которые, очевидно, знали о прецеденте, случившимся почти 90 лет тому назад.

Таким образом, ни Франция, ни Румыния не добились изоляции СССР. Наоборот, своими действиями румынская дипломатия изолировала свою собственную страну. Члены Малой Антанты - Чехословакия и Югославия - отказались поддержать антисоветскую позицию Румынии. Италия и Япония также не решились пойти ей навстречу: ратификация бессарабского протокола вновь была ими отложена. Захват Бессарабии Румынией по-прежнему оставался неутверждённым державами. Не помогло и давление Вашингтона, развернувшего ожесточённую кампанию против соглашения между Францией и СССР. 28 октября 1924 г. Эррио сообщил телеграммой на имя председателя Совнаркома и народного комиссара иностранных дел, что Франция признала советское правительство. «Правительство республики, - гласило сообщение, - верное дружбе, соединяющей русский и французский народы, начиная с настоящего дня, признаёт де юре правительство СССР как правительство территорий бывшей российской империи, где его власть признана населением, и как преемника в этих территориях предшествующих российских правительств. Оно готово, поэтому завязать теперь же регулярные дипломатические сношения с правительством Союза путём взаимного обмена послами».

²⁹ Потёмкин. Т. 3. С. 304–305.

Приветствуя установление дружественных отношений с демократической Францией, отказавшейся от агрессивных замашек Пуанкаре, сессия ЦИК СССР единогласно признала необходимость возобновления дипломатических отношений с Французской республикой. Этим актом было не просто положено начало развитию нормальных политических и экономических отношений между Советской Россией и Францией. На сторону СССР в лице Франции встало государство, правители которого находились долгое время в ряду главных организаторов антисоветской интервенции и блокады, демонстрировавшие непреклонную ненависть к советскому правительству и новому общественному строю, опекавшие осевших в стране «непримиримых» белогвардейцев, финансировавших и снабжавших оружием «панскую» Польшу и «боярскую» Румынию, натравливая их на СССР.

Заключение договора с Японией. К концу 1924 г. из крупных капиталистических держав только Япония и США продолжали политику «непризнания» Советского Союза. Япония категорически отказывалась оставить захваченные ею территории на Дальнем Востоке России, в том числе Северный Сахалин, хищнически истребляла его природные богатства, в безразмерных количествах вырубая леса и каменный уголь. В начатых весной 1923 г. по инициативе советского представителя в Китае переговорах советское правительство предложило Японии установить дипломатические отношения, заключить договор и определить окончательный срок оставления Японией Северного Сахалина. Но Япония жаждала закрепить эту российскую территорию за собой, предлагая либо выкупить её за приличные деньги, либо отдать в концессию на длительный срок нефтяные, угольные и лесные богатства острова, а также железные дороги. Естественно, она сохраняла также требования выплаты долгов царского правительства и возвращения национализированной частной собственности японским подданным. Переговоры зашли в тупик.

СССР помогло растопить японский лёд случившееся 1 сентября 1923 г. огромное землетрясение, уничтожившее 70 % промышленности Токио и большую часть судостроительных заводов в Иокогаме. Советское правительство пришло на помощь японскому народу, направив в Японию пароход «Ленин» с продовольствием и санитарными отрядами. Оно не обиделось на явно оскорбительное требование пароходу оставить порт Иокогамы после выгрузки пожертвований, не заходя в японские территориальные воды. И далее СССР продолжил оказывать японскому народу финансовую помощь, в том числе сборами с населения (всего около 320 тыс. руб. золотом). К тому же в Японии в мае 1924 г. к власти пришло новое правительство во главе с Като, который инициировал продолжение советско-японских переговоров в Пекине. В итоге 20 января 1925 г. была заключена советско-японская конвенция «Об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией», согласно которой обе стороны восстанавливали дипломатические и консульские отношения друг с другом. Японское правительство согласилось на эвакуацию своих войск с Северного Сахалина к 15 мая 1925 г.

Японские концессии на Северном Сахалине. В свою очередь советское правительство пошло навстречу Японии и согласилось предоставить ей желанные концессии на Северном Сахалине. Протокол «Б», приложенный к конвенции, предусматривал заключение концессионных договоров с японскими компаниями, рекомендованными японским правительством, на эксплуатацию угля и нефти. В нём устанавливались лишь общие принципы, которые надо было положить в основу концессионных договоров. Представители рекомендованных японским правительством «Общества сахалинских угольных предприятий» и «Сакай-Кумпай» «Северо-сахалинской ассоциации нефтяных предпринимателей» прибы-

ли в Москву и в течение 5 месяцев вели переговоры с особой комиссией при Главном Концессионном комитете. Результатом их стала группа договоров, существо которых сводилось к следующему. Объектом угольной концессии стала местность, расположенная на западном побережье Северного Сахалина, в округе Дуэ, в районе Владимирского рудника и реки Мачи. Концессионеру было предоставлено исключительное право разведки и добычи угля. Объектом нефтяной концессии явились нефтяные месторождения на восточном берегу Сев. Сахалина, а именно Оха Кхаби, Пильтун, Нутово, Чайво, Ныйво, Уйглекуты и Катангли. Они разбивались в шахматном порядке на участки, 50 % которых оставалось за правительством СССР. Вся площадь нефтяных месторождений составляла 4.800 десятин (1 дес. = 1,06 га). Кроме того, Япония получила сроком на 11 лет исключительное право поиска и разведок на нефть, кир – продукт нефти, и горючие газы на территории размером до 1.000 кв. вёрст (верста – чуть более 1 км.) также на восточном побережье Сахалина. Плата, вносимая концессионером, как для угольных, так и нефтяных предприятий, состояла в долевых отчислениях с валовой годовой добычи. Кроме того, концессионеры уплачивали, не считая налогов, арендную плату в размере 4 % стоимости с передаваемого концессионеру принадлежащего правительству имущества³⁰.

Основным изъятием из действующего законодательства для концессионеров являлся предусмотренный в протоколе «Б» конвенции беспошлинный ввоз машин, предметов снабжения и оборудования концессионных предприятий, а также снабжения рабочих и служащих. Срок обеих концессий устанавливался в 45 лет. Предусматривалось право досрочного расторжения концессии при объявлении концессионера несостоятельным должником или при невыполнении основных постановлений концессионного договора. Сюда входили: неуплата долевого отчисления, продажи на внутреннем рынке без разрешения ввезённых предметов широкого потребления и продовольствия, т. е. за нарушение монополии внешней торговли, и, наконец, хищническая эксплуатация недр с нарушением действующих постановлений.

Предоставление права наибольшего благоприятствования. После признания СССР Англией и Италией советское правительство заявило, что будет предоставлять права наибольшего благоприятствования в области торговли лишь тем странам, которые признали СССР де юре до 15 февраля 1924 г. Это решение свидетельствовало об укреплении силы и авторитета советского государства. Теперь оно уже обходилось без послаблений тем капиталистическим странам, которые всё ещё колебались в деле признания советского правительства. Так, льготы сохранялись для Германии, Великобритании и Италии. В договорах с другими странами, например, с Норвегией³¹, признавшей Советскую Россию де-факто временным соглашением в сентябре 1921 г. и установившей дипломатические отношения в феврале 1924 г., но подписавшей договор о торговле и мореплавании лишь 15 декабря 1925 г., содержались существенные изъятия из права наибольшего благоприятствования. На Норвегию не подлежали распространению льготы, предоставленные этим странам не только по договорам, но и в порядке односторонних актов. Речь шла об известных приказах НКВТ об установлении безлицензионного режима для ввоза отдельных товаров на некоторых восточных границах Союза. Кроме того, в договоре с Норвегией СССР оговорил нераспространение на эту страну льгот, которые были предоставлены государст-

³⁰ Б. Р. Японские концессии на Северном Сахалине // Международная жизнь. 1926. № 1. С.150–151.

³¹ Анализ договора с Норвегией см.: Международная жизнь. 1926. № 1. С.148.

вам, составлявшим на 1 августа 1914 г. «во всех отношениях» составную часть бывшей Российской империи, т. е. так называемым лимитрофам: Эстонии, Литве, Финляндии и Польше, а также континентальным государствам, граничащим с СССР в Азии.

Библиография:

1. Б. Р. Японские концессии на Северном Сахалине // *Международная жизнь*. 1926. № 1. С.150–151.
2. Временное соглашение между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией, заключённое в Берлине 6 мая 1921 г. // *Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора (далее СГО)*. Т. 2. 1919–1922. М., 1968. С. 318–323.
3. Генис В. Л. Григорий Яковлевич Сокольников // *Вопросы истории*. 1988. № 12. С. 59–86.
4. Гойхбарг А. Национализация банков перед иностранными судами // *Еженедельник советской юстиции*. 1925. № 24. С. 859–861.
5. История дипломатии. В 3-х томах. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939) Под ред. акад. В. П. Потёмкина. М.-Л., 1945. Гл. 11.
6. История дипломатии. В 3-х томах. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1965. С. 236.
7. *Международная жизнь*. 1926. № 1. С.148.
8. Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчёт Народного Комиссариата по иностранным делам. М., 1923. С. 22.
9. Ленин и Восток. Сб. статей. С. 246–247. М., 1924.
10. Рец. на кн. Thomas Millard. Conflict of policies in Asia. London. George Allen and Unwin. 1924 // *Международная жизнь*. 1925. № 3. С. 115.
11. Сабанин А. В. Посольское и консульское право. М., 1930. С. 87.

References:

1. B. R. Japonskie koncessii na Severnom Sahaline // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 1926. № 1. S.150–151.
2. Vremennoe soglasenie mezhdru Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj So-vetskoj Respublikoj i Germaniej, zakljuchjonnoe v Berline 6 maja 1921 g. // *Sovetsko-germanskie otnoshenija ot peregovorov v Brest-Litovske do podpisanija Rapall'skogo dogovora (dalee SGO)*. Т. 2. 1919–1922. М., 1968. S. 318–323.
3. Genis V. L. Grigorij Jakovlevich Sokol'nikov // *Voprosy istorii*. 1988. № 12. S. 59–86.
4. Gojhbarg A. Nacionalizacija bankov pered inostrannymi sudami // *Ezhenedel'nik sovetskoj justicii*. 1925. № 24. S. 859–861.
5. Istorija diplomatii. V 3-h tomah. Т. 3. Diplomatiya v period podgotovki Vtoroj mirovoj vojny (1919–1939) Pod red. akad. V. P. Potjomkina. М.-L., 1945. Gl. 11.
6. Istorija diplomatii. V 3-h tomah. Т. 3. Diplomatiya na pervom jetape obshhego kri-zisa kapitalisticheskoj sistemy. Pod red. A. A. Gromyko i dr. М., 1965. S. 236.
7. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 1926. № 1. S.148.

8. Mezhdunarodnaja politika RSFSR v 1922 g. Otchjot Narodnogo Komissariata po inostrannym delam. M., 1923. S. 22.
9. Lenin i Vostok. Sb. statej. S. 246–247. M., 1924.
10. Rec. na kn. Thomas Millard. Conflict of policies in Asia. London. George Allen and Unwin. 1924 // Mezhdunarodnaja zhizn'. 1925. № 3. С. 115.
11. Sabanin A. V. Posol'skoe i konsul'skoe pravo. M., 1930. S. 87.

Сведения об авторе

Лариса Прокопьевна **Белковец**. Профессор кафедры истории государства и права, конституционного права Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета, доктор исторических наук.

